

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ЛЕНИНГРАДСКАЯ

ПРАВДА

Орган Ленинградского
Областного и Городского
Комитетов ВКП(б),
Областного и Городского
Советов депутатов
трудящихся

№ 168 (8892)

15 ИЮЛЯ 1944 г., СУББОТА

Цена 20 коп.

СИЛА ЧЕХОВА

Илья ГРУЗДЕВ

Ранняя смерть Чехова явилась одной из самых тяжёлых, одной из самых горестных утрат русской литературы.

Писатель необычайной зоркости, необычайной широты наблюдения, он ещё в первом периоде своей деятельности в небольших юмористических рассказах создавал образы гениальной силы.

Писатель большой щедрости, он давал в ту пору до сотни рассказов в год, мастерству и блеску которых мы не перестаем изумляться и теперь.

Велик был его успех у читателей 80-х годов, видевших в его рассказах лишь весёлый смех и ещё не понимавших пропий Чехова, его сарказма над кротовым, мещанским бытом, в котором погрязал этот буржуазно-мещанский читатель, жаждавший увеселения.

А когда Чехов перешёл к большим рассказам и к повестям очень глубокого содержания, то и критика того времени далеко отстала от понимания смысла его произведений. Чехов опережал среду, в которой ему суждено было жить и работать.

Сам Чехов посвятил себя изучению русской жизни со страстью великого человека. Его работа врачом, земским деятелем, участником переписи, его строительство школ, попечительство в них и много других общественных дел — всё служило у него одной цели, и как ни была порой буднична эта работа, она давала ему огромный материал как писателю и человеку. Вне такого широкого общения с людьми он не мог жить и работать.

Он был обуреваем страстью как можно больше видеть, как можно больше знать. Он был непоседлив, его всегда тянуло в поездку, в путешествие. «Россия, — писал он, — необычайно красивая и обаятельная страна». Донские степи, Украина, Подмосковье, Север, Волга — природа всех этих мест в равной степени наполняла его сердце гордостью и счастьем.

Но ему словно всегда было тесно. И как удивлены были его родные, друзья и знакомые, когда он объявил, что едет на Сахалин, на самый дальний край своей родины. Поездка на Сахалин, через всю Сибирь, на лошадах, — железной дороги в то время ещё не было, — в весеннюю распутицу и половодье, была почти подвигом. Чехов поехал туда, побуждаемый гражданским долгом врача и писателя.

«Многое я видел и много я пережил, и всё чрезвычайно интересно и ново для меня не как литератора, а просто как для человека. Енисей, тайга, станицы, ямники, дикая природа... — всё вместе взятое так хорошо, что и описать не могу... Целый месяц ежечасно я видел восход солнца от ночи и до конца».

В этом горячем и широком восприятии мира и родины — обаятельная черта Чехова. Родине своей, «необычайно красивой и обаятельной стране», он был предан беспрдельно, был влюблён в неё, глубоко верил в её творческие силы.

С гордостью и любовью изображает Чехов русских людей с такими большими, ещё скрытыми силами: таков Дениска из повести «Степь», предшественник горьковского Цыганка, таков Дымов из той же повести, «озорник и силач». У него был такой вид, как будто он «собирался поднять одной рукой что-то очень тяжёлое и удивить этим весь мир».

Примечательна фигура старика из повести «В овраге». Это — крахотистый дуб, которого не ломают никакие житейские бури, это голос самой русской земли.

«Велика матушка Россия! — сказал он и поглядел в обе стороны. — Я во всей России был и всё в ней видел, и ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное. Я ходоком в Сибирь ходил, и на Амуре был, и на Алтае, и в Сибирь переселился, землю там пахал, соскучился потом по матушке России и назад вернулся в родную деревню... Вот и помирать не хочется, милая, ещё бы годочков двадцать пожил; значит, хорошо было больше. А велика матушка Россия!»

Но Чехов никогда не прикрашивал людей, не прикрашивал и русской жизни. Назначение литературы, писал он, — «правда честная и безусловная», а литератор — «человек обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совести».

Такому высокому пониманию литературы Чехов оставался верен всю жизнь. Он был жесточайшим врагом всякой лжи в искусстве, в критике, в общественной идеологии.

Либерально-буржуазная пресса немало потратила в своё время усилий, чтобы представить Чехова таким безобидным писателем, мягким «певцом сумерек» и тем ослабить его критику буржуазных основ жизни. Но дело в том, что Чехов был неуклонным и последовательным обличителем. Чехов, говорит Горький, «обладал искусством всюду находить и оттенять пошлость, — искусством, которое доступно только человеку высоких требований к жизни, которое создаётся лишь горячим желанием видеть людей простыми, красивыми, гармоничными. Пошлость всегда находила в нём жестокого и строгого судью».

Уже с ранних, «осколочных» рассказов Чехов был врагом «сытого, обёвшегося гуся» — буржуа. Уже в первом периоде своей работы, полном блеска и грохота его шуток, он был обличителем строя, основанного на корыстных отношениях наживы и угнетения.

Если Шедрин гениально наметил фигуру «чумазого» как воплощение российского «первоначального накопления», если Глеб Успенский сосредоточил своё внимание на эксплуатации крестьянского труда, то Чехов беспристрастно обнаруживал его во всех порах общественной жизни, основанной на господстве отёвшихся людей, эксплуатирующих голод, невежество и темноту.

И в произведениях Чехова была настойчивая нота, призывавшая к сопротивлению этому гнёту дикой, пошлой, бессодержательной жизни под властью «чумазого» во всех его видах и формах.

Чехов велик не только как создатель своего стиля в русской литературе, имеющего широкое влияние и в мировой литературе, он велик и гениален в способе мышления, когда он с величайшим реализмом и с горячим убеждением воспроизводит русскую жизнь, в самых глубоких, психологических основах обнажая мир хищничества, нищеты, темноты, лицемерия, лжи и рабоплепия, призывая к обновлению жизни, к освобождению творческих сил страны.

И такова была сила его гениального дара и его убеждений, что небольшой рассказ «Мужики» сделал эпоху в русской литературе, уничтожив в сознании читателей веру в реакционные утопии народников о святости общины, круговой поруки и прочих элементов крестьянской жизни, якобы спасительных, а на самом деле продолжавших держать деревню в состоянии полукрепостничестве.

Такова была сила его гения, что совсем небольшой рассказ «Человек в футляре» принёс в русскую литературу одно из её величайших обобщений. Учитель греческого языка Беляков, которому в жизни понятно было только одно — запрещение — и который терроризировал весь город угрозой перед каждым шагом — «как бы чего не вышло», словно воплотил в себе мрачную силу мертвящего бюрократизма и гнетущего ханжества, сковывавших силы молодой России.

А рассказ «Палата № 6», в котором Чехов с такой силой воплотил всё удушающее и ужасное победоносной России, произвёл на современников потрясающее впечатление.

Так жить нельзя! — вот что с необыкновенной силой своего дарования внушал Чехов, и в этой пропаганде его великая историческая заслуга.

Годы 1898—1899 и последующие были началом сильнейшего революционного подёма. Произведения Чехова, пропатандировавшие необходимость творческого обновления жизни, вселявшие ненависть к застойным формам, к застарелым мыслям и отношениям, к героям пошлости, немощи и безволия, содержали огромную взрывчатую силу.

Так жить больше нельзя! Это неслоё и со сцены, когда давались пьесы Чехова; недаром такие пьесы, как «Дядя Ваня» и «Три сестры», пьесы, которые по судьбам своих героев полны горести и отчаяния, вызывали бурную реакцию и повышали настроение зрителей. — так больше жить нельзя!

Чехов, верный себе до конца, убеждённо изображавший только «правду честную и безусловную», изображавший людей во всей силе их падения, их бессилия, не ставил утверждающих политических целей, которые не были ясны ему самому, но его жизнерадостный гений наполнял его творчество особой силой оптимизма, мечтой о человеческом счастье, которая так пленяет нас в произведениях Чехова.

И в последнем рассказе «Клевета», написанном им незадолго до смерти, Чехов словно передаёт новым поколениям свою веру в обновление жизни:

«Надя ходила по саду, по улице, глядела на дома, на серые заборы, и ей казалось, что в городе всё давно уже состарилось, отжило и всё только ждёт не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего. О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть весёлым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет!».

Чехов в своих произведениях не ставил прямых утверждающих целей, но он утверждал отрицанием, и сила его ненависти и презрения к отжившим формам жизни, сковывавшим творческие силы России, сила его мудрого знания действительности и гениального воспроизведения её, сила любви к Родине и вера в её будущее сделала Чехова одним из самых любимых русских писателей.

На переломе двух эпох, в канун эпохи величайшей революции, его неподкупная работа, его глубокий анализ русской жизни имели огромное историческое значение.

И в наши дни особое значение приобретает чествование памяти одного из величайших деятелей русской культуры, самое появление которого в ряду других наших гениев служит неопровержимым доказательством творческой мощи русской земли.